

БОЯРСКИЙ ДВОР КАК ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ ЛЕТОПИСЦА XI ВЕКА

Среди задач, которые стоят перед учеными, изучающими историю создания и эволюцию текста "Повести временных лет" (далее сокращенно ПВЛ), важное место занимают поиски ответов на вопросы: где, когда, кем и почему были написаны каждая в отдельности редакция или список данного источника, а при возможности и статья. Кроме того, по-прежнему остается актуальной проблема адекватного понимания, прочтения и интерпретации самого текста. Выбор определенных событий был неслучайным, хотя подчас и обусловлен разными причинами. Поэтому при фиксации этапов летописной работы, тесно связанной с формированием каждого в отдельности произведения, превращаемого исследователем в документ или свидетельство прошлого¹, пристальное внимание, по нашему мнению, стоит уделить рассмотрению авторских комментариев в ПВЛ. Как правило, они имеют характерные черты: можно отметить определенного рода клише или литературные штампы, например, "и до сего дне"; ссылки на источники информации — "и прозваша Олга — вещей: бяху бо людие погани и невелигласи" (6415 г.), "нача глаголати соль вся речи и нача писецъ писати, глагола сице" (6479 г.), "темъ и Русь корятся радимичемъ" (6492 г.); историко-топографические комментарии — "идоша Угри мимо Киевъ гороу, еже ся зоветь ныне Угорьское" (6406 г.), "и по Десне, и есть село Ольжичи и доселе" (6455 г.), "бе дворъ его идеже есть церкви святая Богородица, юже сдела Володимерь" (6491 г.) и т.д. Наши наблюдения в данной работе будут посвящены последним на примере анализа упоминаний в ряде статей ПВЛ дворов киевских жителей под 6390 (882), 6453 (945) и 6576 (1068) гг.

Важность авторских отступлений от канвы основного повествования особенно ярко проявляется при определении времени создания произведения, о котором не всегда прямо сообщает летописец. Впрочем, ценность таких свидетельств, пусть иногда даже косвенных, очевидна, ибо "о предшествующих эпохах мы можем говорить лишь на основании показаний свидетелей" (в нашем случае им служит текст ПВЛ). Французский историк М.Блок остроумно подметил, что ученый в такой момент оказывается в роли "следователя, пытающегося восстановить картину преступления, при котором сам он не присутствовал". Отсюда им делался вывод, что "в отличие от по-

знания настоящего, познание прошлого всегда будет “непрямым”²; исследователю “в бесконечно разнообразной массе источников”, используя для достижения цели свидетельства двух типов: намеренные и ненамеренные, со временем приходится “все больше доверять второй категории свидетельств — свидетельствам невольным”³.

Возникает вопрос: почему? Сохранившиеся на полях основного текста рукописи или в хозяйственной яме у мастерской ремесленника, обнаруженной археологом, такие “невольные” свидетельства могут представлять собой документы прошлого с заранее “избыточной” информацией. По мнению французского философа М.Фуко, в этом случае документ не остается “неподвижной материей”, а преобразуется, давая возможность “реконструировать дела и слова людей”⁴. Нам представляется, что историко-топографические комментарии можно рассматривать, как свидетельства прошлого с “избыточной” информацией. Поэтому следует остановиться на их анализе подробнее.

Под 882 г. в ПВЛ отмечается, что после убийства полянских князей Аскольда и Дира “погребоша и на горе”. Одна из них, подчеркивает летописец, “ся ныне зоветь Угорское, где ныне Ольминъ дворъ”. Его владелец построил здесь “церковь святого Николу”, другая — “за святою Ориною”⁵. Интерпретация данного комментария и событий, о которых он повествует, различна.

Так, американский историк Г.В.Вернадский полагал, что это — “смутные воспоминания” пребывания в Киеве мадьярского вождя Альмуша, управлявшего данной территорией по договору с хазарами. Поздняя топонимика Аскольдовой могилы объяснялась им тем, что здесь якобы находился дворец Альмуша. Этим, по мнению исследователя, объясняется название горы — Угорское⁶.

С таким пониманием текста не согласились русский историк В.П.Шушарин и украинский археолог П.П.Толочко. Они приводят ряд аргументов, указывающих на несостоятельность подобного вывода, находящегося в противоречии и с источниками о событиях IX в., и с общей политической ситуацией того времени⁷. Археологически данный район изучен хорошо. До работы А.Барта, призвавшего “прекратить попытки вдохнуть жизнь в “агонизирующую теорию”, близкая к Г.В.Вернадскому точка зрения до недавнего времени преобладала и в венгерской историографии. При этом все исследователи ссылались на неизвестный фрагмент в ПВЛ⁸. Кто же из них прав, если отталкиваться в аргументации не только на реконструкцию политического контекста событий того времени, сделанного на основе данных разноречивых иностранных источников, но и на интерпретацию информации текста самого раннего из дошедших памятников древнерусского летописания — ПВЛ.

Действительно, в IX в. вокруг горы сложилось поселение, есть и курганные древности, оставленные славянским населением, но следов

пребывания “угровъ” здесь нет⁹. Интересно отметить и местоположение урочища Угорское. Оно находится ниже древнего города по течению р. Днепр, тем временем, как захоронение Дира — на традиционном могильнике славян — в черте Киева¹⁰. Полемизируя с Г.В.Вернадским и пытаясь разобраться с частой чередой имен “Ольма” и “Ольга”, якобы присутствующих в разных редакциях текста ПВЛ, П.П.Толочко предположил, что “позднейшие составители летописных списков действительно могли спутать эти имена”, ищет свидетельств того, «что они последовательно меняли “Ольму” на “Ольгу”, а не наоборот»¹¹.

Проверяя аргументы П.П.Толочко, не трудно установить, что в приведенных им в качестве примера в Лаврентьевской и Радзивилловской летописях “Олгин дворъ” отсутствует. Он упоминается только в близком, но более позднем по составу и происхождению “Летописце Переяслава Суздальского”, известного по списку 60-х годов XV в.¹² Возрождая старую гипотезу, выдвинутую еще В.Н.Татищевым, исследователь утверждает, что “церковь св. Николая действительно была построена (или возобновлена, поскольку не исключено, что еще при Аскольде здесь находилась какая-то часовенка) во времена княжения Ольги. Более подходящей ситуации для этого в Киеве, — как полагает П.П.Толочко, — не было с конца IX по конец X в.”¹³ Однако место данного комментария в системе других, имеющихся в тексте ПВЛ, Г.В.Вернадский и П.П.Толочко не проводили. Этим и объясняется такая разная датировка и интерпретация всего лишь одного фрагмента ПВЛ. Между тем, комплексный анализ текста, по нашему мнению, позволяет решить возникшую проблему.

Под 945 г. летописец замечает: “Градъ же бе Киевъ, идеже есть ныне дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ князь бяше в городе, идеже есть ныне дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевесище бе вне града, и бе вне града дворъ другый, идеже есть дворъ деместиковъ за святою Богородицею”¹⁴. В качестве ориентира он указывает своему читателю дворы 4-х знатных киевлян. Очевидно, данных людей в южном Поднепровье должен был знать, либо слышать о них почти каждый местный житель¹⁵. Кто же это были?

Первым из них отмечен Гордята. Известно, что он проживал в “аристократической части города” и имел сына Ставко¹⁶. Последнего хорошо знал князь Владимир Всеволодович Мономах. Он упоминает Ставко в своем “Поучении” в связи с событиями конца 1068 — начала 1069 г.: “Посла мя отецъ... паки 2-е к Смолнъску со Ставкомъ Скордятичем”¹⁷. По мнению В.А.Кучкина, “отечество на-ич показывает, что он был боярином”. Как полагает исследователь, Ставко в это время уже был опытным боярином, “который представлял интересы действовавшего заодно с Всеволодом Изяслава”. Проследившая далее его судьбу, он отмечает, что “Владимиру и

Ставко удалось собрать какую-то дружину. С частью ее Ставко присоединился к Изяславу и ушел с ним... через Берестье в Польшу¹⁸. С таким анализом источника в целом можно согласиться, но не во всем. В.А.Кучкин не обратил внимания на важное замечание, высказанное ранее Б.А.Рыбаковым. Последний отмечал, что сын Гордяты упоминается в "Поучении" с уменьшительным именем, то есть он "тоже был еще молод". Свою точку зрения Б.А.Рыбаков хронологически подтверждает найденным на стене Софийского собора в Киеве граффитто, который около 1118 г. "писалъ Ставъръ Гродятиничъ"¹⁹.

Вторым в источнике указан Никифор — крупный политический деятель, один из авторов так называемой "Правды Ярославичей"²⁰. В Комиссионном списке этого памятника (Краткая редакция РП) подчеркивается, что Никифор был "Кыянинъ"²¹. М.Д.Приселков в специальной работе показал, что "это прибавление при сокращении получиться никак не могло". Оно восходит к списку "Пространной редакции" РП, "где эти имена читались"²².

О Воротиславе пока ничего неизвестно, кроме того, что его большой двор находился среди прочих усадеб представителей киевской знати XI в. Впрочем, у историков нет сомнений, что Воротислав входил в число киевских бояр²³.

Четвертым в тексте отмечен Чудин. Одни исследователи предполагают, что он происходил из племенной знати эстов²⁴; другие, наоборот, пишут о его русских корнях. Например, В.Н.Татищев, упоминая о посадничестве Чудина в Новгороде, пишет о нем, как о внуке Добрыни Малковиче. Последний был дядей ("вuem") по матери великого князя Владимира Святославича. Источники данного известия В.Н.Татищева пока неизвестны. Однако посадничество киевлянина Микулы (Чудина?) в Новгороде в 1052—1054 гг. во времена правления великого князя Ярослава Владимировича подтверждают одно граффити середины XI века, найденное на стенах Новгородского Софийского собора²⁵. В рассказе о торжественном перенесении останков князей Бориса и Глеба, состоявшемся 2 мая 1072 г., летописец специально подчеркивает, что Чудин "бе тогда держа Вышегородъ"²⁶. Данный эпизод в его биографии отмечен не случайно. В "Сказании о Борисе и Глебе" Вышгород — это "Въторыи Селоуны яви ся въ роусьске земли"²⁷. В "Сказании о чудесах Бориса и Глеба" в рассказе о 4-м чуде на момент перенесения мощей говорится: "Бяше человекъ Вышегороде старейшина оградничомъ", зовомъ же бяше Жьданъ по Мирьскоуоумоу, а въ хрещении Никола. И творяше праздньство святоуоумоу Николе по вся лета"²⁸. Учитывая вышеуказанное, а также свидетельство Краткой Правды, М.Н.Тихомиров, а вслед за ним и польский исследователь А.В.Поппэ приходят к выводу, что данный круг известий допускает отождествлять Ждана-Николая и Микулу Чудина²⁹. Однако

Я.Н.Щапову такой вывод не кажется безупречным. Он приводит ряд аргументов, свидетельствующих, по его мнению, об обратном: “Старейшиной огородников” вряд ли можно считать посадника города. Он является старшим, т. е. главой, в группе городских чиновников, именуемых огородниками. Этот термин может быть понят как “городник”, известный по ст. 96 Пространной Правды,— руководитель строительства городских укреплений, который, вероятно, вместе с отроком, как вирник и мостник, организовывал эти работы в форме повинности горожан и окрестных жителей. Городники были объединены в корпорацию, возглавляемую старостой — “старейшиной”. Поэтому, по логике, Я.Н.Щапова, “считать боярина “Чудина Миколу” и старосту вышгородских городников Ждана-Николу одним лицом можно только очень предположительно, видеть в вышгородском посаднике Чудине и старосте вышгородских строителей Ждана-Николу вновь одно лицо оснований еще меньше”³⁰. Известен также брат Чудина — Туки, дружинник, приближенный вел. кн. Изяслава Ярославича, советовавший ему в 1068 г. убить пленного кн. Всеслава Полоцкого³¹. В 1078 г. “брат Чюдинь” уже находился на службе у брата вел. князя — Всеволода Черниговского. Он погиб в битве с половцами на р. Сож³². По мнению, М.Д.Приселкова, Туки пересказал Никону события 1068 г.³³. Известен также и сын Чудина. В 1113 г., когда вел. князь Владимир Мономах решил обсудить с дружиной в Берестове свой знаменитый “Устав”, в числе прочих он пригласил и “Иванка Чюдиновича — Ольгова мужа”³⁴.

Таким образом, трое из четырех упомянутых под 945 г. бояр жили в Киеве, по крайней мере в 60 — начале 70-х гг. XI в., причем их деятельность выходила за пределы Киевской земли. Они принадлежали к числу “великих” бояр, юридически известных уже в середине XI в.³⁵. Такие люди, безусловно, были хорошо известны и летописцу, и его потенциальным читателям.

Наиболее хронологически четко прослеживается авторская рука в статье, посвященной событиям 1068 г. Летописец рассказывает о последствиях веча, где обсуждалась ситуация, сложившаяся после поражения Ярославичей в битве с половцами. Из-за отказа Изяслава выдать киевлянам оружие для отпора нападения кочевников, “начаша люди его корити на воеводу на Коснячъка; идоша на гору, съ веча, и придоша на дворъ Коснячковъ”³⁶. Как и в предыдущем фрагменте, автор выбирает в качестве ориентира для своего читателя двор знатного горожанина, также находившегося на горе, как и двор Ольмы. Коснячко упоминается и позднее. Около 1072 г. он участвует как “муж” великого князя Изяслава в разработке статьи к “Правде Ярославичей”, запрещавшей кровную месть³⁷.

Возвращаясь к событиям 1068 г., отметим, что когда киевляне “не обретше” Коснячка, то они “сташа у двора Брячиславля”³⁸. Упоминание двора этого горожанина интерпретируется по-разному.

Одни категорично заявляют, что он принадлежал полоцкому князю Брячиславу³⁹, другие относятся к такой трактовке источника более осторожно⁴⁰. Единственным аргументом в пользу такого отождествления является сходство имен. Однако отметим, что князь Брячислав умер в 1044 г.⁴¹. Известные на сегодняшний момент источники не знают ни одного случая его пребывания в Киеве, да и двор Брячислава как княжеский не упоминается. Скорее всего, как и прочие, он принадлежал одному из знатных киевлян.

Приведенные выше историко-топографические комментарии объединяет одно: в них говорится о дворах знатных киевлян 60–70-х гг. XI в., расположенных на горах. Все это указывает в пользу того, что сообщение об Ольме и постройке им церкви в честь св. Николая, активно почитавшегося в боярской среде в XI в. (можно вспомнить пример с Чуудином), также относится к данному времени. Отсутствие комплексного анализа текста ПВЛ привело Г.В.Вернадского и П.П.Толочко к неверному пониманию источника, а в дальнейшем — к ошибочной реконструкции древней истории Киева.

В заключение стоит отметить, что анализ биографии игумена Никона, жившего долгое время в Киево-Печерском монастыре и Тмутаракани, позволил М.Д.Приселкову сделать весьма обоснованный вывод о нем как авторе летописных статей 1061–1073 гг.⁴². Таким образом, характерные комментарии, где в качестве ориентира выбирались дворы бояр, находившихся на горе, указывают и на другие статьи ПВЛ, в создании которых мог принимать участие Никон.

Интересно отметить, что в XII в. отмечаются дворы киевского тысяцкого Путяты Вышатича, соцких и “Жидовъ” под 1113 г.⁴³; двор боярина Борислава под 1151 г.⁴⁴ и др. Однако в этот период времени они уже не являются главными ориентирами. Летописцы выделяют в своем повествовании не дворы знатных людей, а церкви и городские ворота, хорошо заметные при более плотной застройке Киева.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. Киев, 1996. С. 11.

² Блок М. Апология истории или Ремесло историка / Пер. с фр. М., 1973. С. 30.

³ Там же. С. 36.

⁴ Фуко М. Указ. соч. С. 10.

⁵ ПСРЛ. Т. I. Вып. I. М., 1997. Стб. 23. Л. 8; См. также: Т. II. М., 1998. Стб. 16–17. Л. 9 об.; Т. XXXVIII. Л., 1989. С. 17; л. 11. Т. XXXIX. М., 1994. С. 10; л. 9; НПЛ. М.; Л., 1950. С. 107 л. 30, 434 л. 5, 514 л. 4 об.

⁶ Vernadsky G. Ancient Russia. New Howen, 1943. P. 332; Kievan Russia. New Howen, 1951. P. 24.

⁷ Шушарин В.П. Русско-венгерские отношения в IX веке // Международные связи России до XVII в.: Сборник статей / Ред. кол.: А.А.Зимин, В.Т.Пашуто. М., 1961. С. 131–179; Он же. Современная буржуазная историография древней Руси. М., 1964. С. 268; Он же. “Рутени” // Образование древнерусского государства. Спорные проблемы. Чтения памяти В.Т.Пашуто: Тезисы докладов. М., 1992. С. 73; Он же. Ранний этап этнической истории венгров: Проблемы этнического самосознания. М., 1997. С. 54–58, III; Толочко П.П. Древняя Русь: Очерки социально-экономической истории. Киев, 1987. С. 62–63.

Согласно последним археологическим находкам Киев возник не ранее VIII–IX в. (См. об этом: Шаскольский И.П. Когда же возник город Киев? // Культура средневековой Руси: Сборник статей. Посвящается 70-летию М.К.Каргера / Отв. ред. А.Н.Кирпичников и П.А.Раппопорт. Л., 1974. С. 70–72; Дашкевич Я.Р. Возникновение городов Юго-Западной Руси. Источники и современная мифологизация // Чтения памяти В.Б.Кобрина. Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. В.А.Муравьев. М., 1992. С. 51–52 и др.). Даже те украинские исследователи, которые настаивают на более ранней дате основания города (середина VI–первой половины VII в.) вынуждены признать, что надежных материальных свидетельств или остатков городских укреплений, а также синхронного славянского могильника в древнейшем районе Киева до рубежа VIII–IX в. не выявлено (Ср.: Брайчевский М.Ю. Когда и как возник Киев. Киев, 1964. С. 31, 40, 47, 49–148; Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С. 20–21, 43–47 и др.)

⁸ Юрасов М.К. “Олмин двор” и “Гора Угорьская” в зарубежной историографии // Образование древнерусского государства. С. 77–79.

⁹ Брайчевский М.Ю. Указ. соч. С. 133, 143; Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С. 44–47; Перхавко В.Б. Летописное предание о захвате князем Олегом Киева в 882 году // Образование древнерусского государства. С. 58.

¹⁰ Брайчевский М.Ю. Указ. соч. С. 133, 145 (карта); Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 21.

¹¹ Толочко П.П. Древняя Русь. С. 62.

¹² ПСРЛ. Т. XXXXI. М., 1995. С. 9. Л. 484.

¹³ Толочко П.П. Древняя Русь. С. 63.

¹⁴ ПСРЛ. Т. I. Вып. I. Стб. 55. Л. 15; См. также: Там же. Т. II. Стб. 44. Л. 22; НПЛ. С. 110–111. Л. 32–32 об.

¹⁵ Прислков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 53.

¹⁶ Рыбаков Б.А. Русская эпитафия X–XIV вв. (состояние, возможности, задачи) // Рыбаков Б.А. Из истории культуры древней Руси. Исследования и заметки. М., 1984. С. 56

¹⁷ ПСРЛ. Т. I. Вып. I. Стб. 247. Л. 81.

¹⁸ Кучкин В.А. “Слово о полку Игореве” и междукняжеские отношения 60-х годов XI века // Вопросы истории. 1985. № 11. С. 30–31).

¹⁹ Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 57–58, рис.

²⁰ Правда Русская. Т. III. Факсимильное издание. М., 1963. С. 43. Л. 332; 76. Л. 615 и др.

²¹ НПЛ. С. 177. Л. 81.

- ²² Приселков М.Д. Задачи и пути дальнейшего изучения "Русской Правды" (По поводу выхода академической "Правды Русской" под редакцией академика Б.Д.Грекова. М.-Л., 1940) // Исторические записки. 1945. Т. XVI. С. 243.
- ²³ Брайчевский М.Ю. Указ. соч. С. 120–121.
- ²⁴ Пашуто В.Т. Страны прибалтийского региона // Новосельцев А.Л., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 264–265; Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 17.
- ²⁵ Мединцева А.А. Новгород. Софийский собор. Надпись Николы, пришельца из Киева, середины XI века // Древнерусские письменные источники: Информационные материалы к совещанию / Под ред. Я.Н.Щапова. М., 1988. С. 51–53.
- ²⁶ ПСРЛ. Т. I. Вып. I. Стб. 182. Л. 61 об.; Т. II. Стб. 172. Л. 67–67 об.; НПА. С. 197. Л. 95.
- ²⁷ Revelli G. Monumenti letterari su Boris e Gleb. Genova, 1993. P. 405.
- ²⁸ Ibid. P. 514, прим. 34*.
- ²⁹ Тихомиров М.Н. Исследования о Русской Правде. М.; Л., 1941. С. 64; Поппэ А.В. О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о посвященным им произведениям // *Russia Medievalis*. Т. VIII. 1. München, 1995. P. 47.
- ³⁰ Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 183–184.
- ³¹ ПСРЛ. Т. I. Вып. I. Стб. 171. Л. 57 об.; Т. II. Стб. 160. Л. 63 об.; НПА. С. 189. Л. 89.
- ³² Там же. Т. I. Стб. 200 л. 67 об.; Т. II. Стб. 191. Л. 74 об.
- ³³ Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. С. 70.
- ³⁴ Правда Русская. Т. III. С. 43. Л. 332.
- ³⁵ Свердлов М.Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997. С. 280.
- ³⁶ ПСРЛ. Т. I. Вып. I. Стб. 171. Л. 57 об.; см. также: Там же. Т. II. Стб. 160. Л. 63 об.
- ³⁷ Правда Русская. Т. III. С. 43. Л. 332; 76. Л. 615 об. и др.
- ³⁸ ПСРЛ. Т. I. Вып. I. Стб. 171. Л. 57 об.
- ³⁹ Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977. С. 220.
- ⁴⁰ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. 2-е изд., доп. М., 1993. С. 441.
- ⁴¹ ПСРЛ. Т. I. Вып. I. Стб. 155. Л. 52 об.; Т. II. Стб. 143. Л. 58.
- ⁴² Приселков М.Д. Указ. соч. С. 67–70.
- ⁴³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 275–276. Л. 102 об.
- ⁴⁴ Там же. Стб. 427. Л. 154 об.